

Хотя все они слушали одни и те же сказки,
те никогда не переживали ничего подобного.

Новалис

1

Однажды я прочитал книгу, которая изменила мою жизнь. Еще читая первые страницы, я ощутил такую ее силу, что мне показалось, будто тело мое отрывается от стола, за которым я сидел, и улетает. И тем не менее именно в этот момент я ощущал всем своим существом, каждой его частичкой, что крепче, чем когда-либо, продолжаю сидеть на стуле, за столом, а книга по-прежнему воздействует не только на душу мою, но и на все, что делает меня мною. И таким сильным было это влияние, что казалось мне — со страниц книги бьет в лицо фонтан света, и свет этот ослепляет мой разум и заставляет его сиять. Я думал, что с помощью света воссоздам самого себя, я чувствовал — с ним я смогу оставить нынешний путь: в том свете я видел отблески будущей жизни, в которую мне предстояло войти и которую предстояло познать. Я сидел за столом и понимал отчасти, краешком сознания, что сижу и переворачиваю листы книги, — а пока менялась моя жизнь, я читал новые слова, новые страницы. Потом я вдруг почувствовал себя настолько беспомощным, настолько не готовым к тому, что должно произойти, что, повинувшись интуиции, отстранился от книги, словно хотел укрыться от бившей из нее силы. И тут я со страхом заметил, что мир вокруг изменился, и меня охватило такое чувство одиночества, какого до нынешнего момента я не испытывал никогда. Я словно оказался в далекой стране — один, не зная ни языка, ни традиций, ни географии.

Ощущение безысходности, навеянное этим одиночеством, еще сильнее привязало меня к книге. Ей предстояло подсказать мне, что я должен делать в этой незнакомой стране, во что должен верить, что должен увидеть, — ей предстояло показать путь, по которому пойдет моя жизнь. Переворачивая страницу за страницей, я читал теперь книгу так, будто она была путеводителем, что указывает дорогу в чужой, дикой стране. Мне хотелось попросить ее: «Помоги мне, книга, помоги обрести новую жизнь, без горя и бед». Но я знал, что жизнь эта творится словами книги... Вчитываясь в каждое из них, я пытался найти свой путь и, замирая, представлял неизбывные чудеса, что уведут меня со старой тропы.

Все это время книга лежала на столе — от нее исходило сияние, но она казалась хорошо знакомой, привычной вещью, похожей на многие другие в моей комнате. Я заметил это, с изумлением и радостью встречая новую жизнь, новый мир, раскрывшийся передо мной, — ведь книга, что изменит мою жизнь, на самом деле представлялась обычной. Пока разум медленно воспринимал чудеса и страхи нового мира, обещанные книгой, я опять задумался о случайности, приведшей меня к ней, но эти воспоминания были поверхностны. Я все читал и читал, но вдруг у меня появились некоторые опасения: новый мир, показанный мне книгой, был настолько чуждым, настолько чудным и удивительным, что я, опасаясь погрузиться в него полностью, с тревогой пытался ощутить хотя бы что-нибудь, связанное с настоящим. В душе моей рос страх: а если я отвлекусь от книги и посмотрю на свою комнату, на шкаф, на кровать и выгляну на улицу, — вдруг я увижу мир не таким, как видел его в последний раз?

Минуты, страницы следовали одна за другой, — вдалеке проходили поезда, я слышал, как мать вышла из дома и через какое-то время вернулась; я слушал обычный гул города, звон колокольчика продавца йогуртов, про-

шедшего мимо дома, шум машин, но все знакомые звуки слышались мне чужими. Я слышал, что какое-то время на улице лил дождь, но одновременно с этим доносились голоса девочек, прыгавших через скакалку. Мне показалось, погода проясняется, но по стеклу окна стекали капли дождя. Я прочитал следующую страницу, затем еще и еще; я видел свет, струившийся от порога иной жизни; я видел все то, что знал до сих пор и чего не знал. Я увидел свою будущую жизнь и путь, по которому, как мне представлялось, теперь пойдет она...

Я медленно переворачивал страницы, и в это время мир, о существовании которого я прежде ничего не знал, не думал и не догадывался, проник в мою душу и поселился в ней. То многое, что я до сих пор знал и о чем размышлял, превратилось в ничего не стоившие мелочи, а все то, чего я не знал, возникло из ниоткуда и предстало мне в виде знаков. Если бы в этот момент у меня спросили, чего я не знаю и что это за знаки, я бы, наверное, не ответил, ибо понимал, что, читая, медленно иду по дороге, с которой нет пути назад, я чувствовал, что потерял всякий интерес к тому, что оставил позади. Новая жизнь, открывавшаяся передо мной, так заинтересовала и взволновала меня, что все казалось мне заслуживающим внимания. Я уже изнемогал от любопытства, но туманность и многообразие того, что мне предстояло, породило во мне какой-то страх.

Я испугался, узрев в идущем из книги свете утратившие былую роскошь гостиные, бешено несущиеся автобусы, усталых людей, поблекшие буквы, сгинувшие города и людские жизни, — я увидел призраков. Речь шла о путешествии; книга рассказывала о путешествии. Я почувствовал взгляд, все время преследовавший меня во время этого путешествия, — казалось, он вот-вот появится передо мной, в самый неожиданный момент, но он исчезал, и мне приходилось искать его. Мягкий взгляд, давно избавившийся от выражения вины, греха... Я бы

хотел стать тем взглядом. Я бы хотел оказаться в мире, который видел тот взгляд. Я так желал этого, что мне хотелось верить, будто я живу там. Нет, верить уже было не нужно — теперь я жил в том мире. А раз я там жил, значит книга рассказывала обо мне: кто-то до меня уже владел моими мыслями, а завладев ими, записал их.

Именно поэтому я понял: в словах заключен один смысл, но говорят они о другом. Ведь я с самого начала ощущал, что книга написана для меня. И каждое слово, каждая фраза воздействовали на меня именно поэтому. Не из-за того, что слова, переливаясь и сияя, казались волшебными, нет; я чувствовал — книга рассказывает обо мне. А осознать, каким образом я это понял, я не мог. Возможно, я понял, но забыл — ведь я пытался отыскать свой путь — среди смертей и исчезнувших знаков.

И пока я читал, мой взгляд превратился в слова книги, а слова книги стали моим взглядом. Глаза мои, ослепленные ярким светом, перестали отличать мир в книге от книги в мире. Словно единая вселенная, все сущее, все цвета и предметы помещались в книге, среди слов, а я, счастливый и изумленный, читая, разумом воплощал все это в реальности. Продолжая читать, я все больше и больше понимал: все, о чем рассказывает мне книга — сначала шепотом, затем пронзительно, почти причиняя физическую боль, — хранилось там, в глубине моей души, уже многие годы. Я обретал клад, много веков пролежавший на дне океана книги, и поднимал его на поверхность; мне хотелось сказать: «Теперь он принадлежит и мне тоже!» Когда я дошел до конца и читал последние страницы, мне захотелось сказать: «И я об этом думал». Позже, когда я полностью погрузился в мир книги, я увидел смерть, явившуюся, точно ангел, среди тьмы и сумерек. Свою собственную смерть...

В тот миг я понял, что моя жизнь удивительным образом обогатилась, но тогда я боялся одного — расстать-

ся с книгой. Меня не пугала мысль, что, взглянув на мир, на окружающие предметы, на комнату, я не сумею увидеть того, о чем рассказывала книга. Я держал ее двумя руками, вдыхая запах бумаги и чернил, — как в детстве, когда читал журналы с картинками. Книга пахла так же.

Я встал из-за стола, подошел к окну, прижал лоб к холодному стеклу и выглянул на улицу, как делал, когда был маленьким. Грузовик, стоявший на противоположной стороне улицы пять часов назад — тогда я положил на стол книгу и начал читать, — уже уехал. Из машины выгрузили зеркальные шкафы, массивные столы, журнальные столики, коробки, торшеры — в пустую квартиру напротив въезжала новая семья. Занавески еще не повесили, и в свете яркой электрической лампы без абажура я увидел, как родители средних лет — на вид моего возраста — вместе с сыном и дочкой ужинали перед включенным телевизором. У девушки были светло-каштановые волосы, экран телевизора светился зеленым светом.

Некоторое время я смотрел на новых соседей, мне нравилось наблюдать за ними — возможно, потому, что их лица были новыми для меня. И еще потому, что это рождало во мне чувство защищенности. Мне не хотелось признаваться в том, что старый, знакомый мир вокруг меня изменился, но теперь мне было ясно: и улицы уже не те, и комната моя изменилась, и мама, и друзья мои стали другими. Казалось, во всем теперь ощущалась какая-то враждебность, некая угроза, но я вряд ли смог бы сказать, откуда она исходит... Я отступил на шаг от окна, но и к книге, чей зов я чувствовал, вернуться не смог. За моей спиной, на столе, лежало то, что должно изменить мою жизнь. И как бы я ни старался избежать этого, все теперь начиналось там, среди книжных строк. Мне лишь предстояло вступить на новый путь.

Видимо, в какой-то момент чувство оторванности от прошлой жизни показалось мне столь пугающим, что

мне захотелось, чтобы все текло как прежде. Мне хотелось обрести покой, представить, что со мной не происходит ничего страшного. Но в глубине души я знал: книга существует, и это ощущение ее было настолько сильным, что я понял — возврата к прежней жизни нет.

Так что, когда мама позвала меня ужинать, я вышел из комнаты и, точно чужак, который пытается освоиться в новом мире, сел за стол и попытался с ней поговорить. Телевизор был включен, на тарелках лежали картошка с рубленным мясом, лук-порей с оливковым маслом, салат из зелени и яблоки. Мама рассказывала о новых соседях, только что поселившихся напротив, о рынке, о дожде, о новостях по телевизору, о ведущем новостей. Сказала, что я — молодец: сел работать после обеда и все это время провел за столом. Я любил мать — она была красивой, деликатной и понимающей женщиной, — и я почувствовал себя виноватым, потому что, прочитав книгу, попал в мир, далекий от нее.

Если бы книга была написана для всех, рассуждал я, то, вероятно, жизнь вокруг наверняка давно бы изменилась. Но, с другой стороны, столь разумный студент-технар, каким был я, живущий по законам логики, никак не мог смириться с мыслью, что книга написана для него одного. Тогда как жизнь могла течь по-старому? Мне было страшно даже подумать, что книга — это какая-то загадка, предназначенная только для меня. Позже, когда мама стала мыть посуду, мне захотелось помочь ей, прикоснуться к ней, вернуть свой внутренний мир в настоящее время.

— Сынок, оставь, оставь, я помою, — сказала она.

Я недолго посмотрел телевизор. Может быть, я смог бы попасть в мир телевизора, а может быть, смог бы сломать его одним пинком. Но телевизор был нашим, домашним телевизором — чем-то вроде домашнего бога и своего рода лампой. Я надел пиджак и ботинки:

— Я выйду.

— Когда ты вернешься? — спросила мама. — Тебя ждать?

— Не жди. Ты всегда засыпаешь перед телевизором.

— Ты погасил свет в комнате?

Я вышел на улицы своего детства, где прожил двадцать два года, но мне показалось, будто я очутился на чужих, полных опасностей улицах, в незнакомой стране. Лицо ощутило влажный декабрьский холод, и я сказал себе, что, наверное, все же что-то перешло из старого мира в новый. И сейчас мне, шагая по мостовым и по улицам моей жизни, предстояло это узнать. Мне захотелось побежать.

Я быстро шел по темным тротуарам — мимо огромных мусорных контейнеров, вдоль стен и заборов, по грязным лужам, и каждый сделанный мною шаг свидетельствовал о том, что новый мир становится реальностью. Платаны и тополя, которые я помнил с детства, на первый взгляд казались такими же, как раньше, но сила связывавших меня с ними воспоминаний и ассоциаций пропала. Я смотрел на усталые деревья, на знакомые двухэтажные здания, на грязные жилые дома (как их строили, я видел в детстве, начиная с рытья котлована под фундамент и кончая укладкой черепицы; там я играл с новыми друзьями) не как на неотъемлемую часть моей жизни, а как на фотографии, забыв, когда и почему они были сделаны. Я смотрел на них и узнавал по теням, по освещенным окнам, по деревьям в садах, по буквам и знакам на входных дверях, но я совершенно не ощущал силы знакомых мне предметов. Старый мир был здесь, передо мной, рядом со мной, на улицах, вокруг меня: в знакомых витрах бакалейной лавки, в пекарне на площади перед вокзалом Эренкёй¹, где все еще горели огни, в лавке зеленщика, где стояли ящики с фруктами, в кон-

¹ Эренкёй — район в азиатской части Стамбула. (Здесь и далее примеч. перев.)

дистерской «Жизнь», в старых грузовиках, плащах, в темных усталых лицах прохожих. От вида этих теней, трепетавших в ночных огнях, стало холодно на сердце — там лежала книга, я будто скрывал что-то преступное. Мне хотелось бежать от этих знакомых улиц, делавших меня самим собой, от печали мокрых деревьев, от неоновых букв, отражавшихся на асфальте и в лужицах воды на мостовых, от ламп овощных и мясных лавок. Подул легкий ветерок, с веток закапало, я услышал какой-то гул и решил, что книга — это дарованная мне тайна. Меня охватил страх, мне захотелось с кем-нибудь поговорить.

Я вошел в кофейню «Молодость», находившуюся на площади перед вокзалом, где некоторые из моих приятелей по кварталу все еще собирались по вечерам и играли в карты, смотрели по телевизору футбол или просто приходили, чтобы встретиться друг с другом, — они сидели там часами. Мой знакомый студент университета, работавший в лавке своего отца-сапожника, и еще один мой приятель по кварталу, игравший в футбол в любительской команде, сидели за столом у самой стены и болтали. На их лицах играли блики черно-белого телевизора. Я заметил прочитанные газеты с растрепанными страницами, два чайных стаканчика, сигареты и бутылку пива, которую они купили у бакалейщика, а теперь спрятали под столом на одном из стульев. Мне нужно было с кем-то поговорить, и проговорить не один час, но я сразу же понял, что с этими двумя не смогу разговаривать. Меня внезапно охватила такая печаль, что на глаза навернулись слезы, но я гордо вытер их: людей, которым я открою свою душу, мне предстояло выбрать из тех, кто уже жил в мире книги.

Так мне удалось поверить, что я являюсь полноправным хозяином своего будущего, но я знал, что сейчас моим хозяином была эта книга. Книга не только проникла в мое сердце, точно какая-то тайна и грех, из-за нее я утратил возможность говорить — я жил словно во сне.

Куда исчезли похожие на меня тени, с которыми я мог бы поговорить, где находится страна, в которой я смогу обрести мечту, взывавшую к моему сердцу, куда пропали те, кто читал эту книгу?

Я перебрался через железнодорожные пути, прошел по переулкам, наступая на опавшие желтые листья, прилипшие к асфальту. Внезапно я ощутил прилив сил: если бы я все время так шел, шел быстро, не останавливаясь, если бы я отправился в путь, то, наверное, я бы добрался до мира книги. Однако новая жизнь, чье биение я ощущал в своей душе, была где-то очень далеко, в стране, которую, видимо, невозможно разыскать, хотя я чувствовал, что приближаюсь к ней. По крайней мере, я пытался оставить прежнюю жизнь позади.

Когда я дошел до песчаного берега, я с изумлением увидел, что море кажется совершенно черным. Почему я раньше не замечал, что Мраморное море по ночам такое темное, такое жестокое и безжалостное? Все вокруг словно разговаривало на своем языке, и в том мимолетном безмолвии, куда влекла меня книга, я вдруг начал различать этот разговор. На миг я почувствовал, сколь торжественно тихо море, словно ощутил неотступность собственной смерти, которую увидел внезапно, читая книгу, но сейчас у меня не было ощущения того, что «всему пришел конец», как бывает, когда действительно приходит смерть: скорее, это было любопытство и волнение человека, который только начал жить.

Я бродил по песчаному берегу. В детстве с ребятами из квартала мы всегда что-то искали здесь среди консервных банок, пластмассовых мячей, бутылок, пляжных тапочек, прищепок, электрических лампочек и резиновых пупсов, что кучами выносило на берег море после штормов. Мы искали волшебный клад, что-то сверкающее, удивительное, а что именно — мы не знали. На мгновение мне показалось, что, если мои глаза, озаренные светом

книги, заметят и внимательно посмотрят на любой предмет старого мира, они смогут превратить его в ту волшебную вещь, которую мы искали детьми. В то же время я вдруг почувствовал столь пронзительное одиночество, навеянное книгой, что я подумал: темное море сейчас поднимется и поглотит меня.

Тревога овладела мной, и я зашагал быстрее, но не для того, чтобы с каждым шагом видеть реальность нового мира, а для того, чтобы как можно скорее оказаться в комнате наедине с книгой. Я почти бежал к дому, я уже казался себе неким существом, созданным из струившегося из книги света. И это меня успокаивало.

У отца был хороший друг, его ровесник, который много лет проработал на Государственной железной дороге и дослужился до должности контролера; кроме того, он писал в журнал «Железная дорога» полные энтузиазма статьи о профессии железнодорожника. Более того, он писал, сам иллюстрировал и издавал детские комиксы в серии «Детская неделя приключений». В те дни я часто прибегал домой и с головой погружался в комиксы вроде «Питер и Пертев» или «Камер в Америке», подаренные мне дядей Рыфки, но у историй этих был одинаковый конец. На последней странице всегда, как в кино, было написано пять букв: «Конец» — и, когда я читал эти пять букв, я не только оказывался за гранью страны, в которой мне так хотелось остаться, но и с болью понимал, что эту волшебную страну выдумал контролер железной дороги, дядя Рыфки. А сейчас я знал, что в книге, которую я спешил вновь почитать, все было настоящим, и поэтому я нес ее в своем сердце, а мокрые улицы, по которым я бежал, казались мне нереальными, — они были частью какого-то скучного задания, данного мне в наказание. Ведь книга — мне так казалось — говорила о том, для чего я существую в этом мире.

Я прошел железную дорогу и уже огибал мечеть, как вдруг заметил, что сейчас наступлю в лужу: я попытался перескочить через нее, но нога за что-то зацепилась, я споткнулся и растянулся на грязном асфальте.

Я тут же поднялся и уже было собирался идти дальше, как вдруг какой-то бородатый старичок, видевший, что я упал, сказал:

— Ой, как ты плохо упал! Тебе больно?

— Да, — ответил я. — Вчера у меня умер отец. Сегодня похоронили. Был он настоящим дерьмом, все время пил, бил мать, не хотел, чтобы мы здесь жили, и я много лет прожил в Виран-Баге¹.

Откуда я взял этот город, Виран-Баг? Наверное, старик понял, что я вру, но я вдруг почувствовал себя жутко сообразительным. Я не понял — то ли из-за быстрой лжи, то ли из-за книги, то ли из-за растерянного лица старика, но я сказал себе: «Не бойся, не бойся, иди вперед! Тот мир, мир из книги, — истинный мир!» Но мне было страшно...

Почему?

Потому что я слышал, что бывало с людьми вроде меня, у которых жизнь пошла под откос из-за одной лишь книги. Я слышал истории о тех, кто, прочитав за одну ночь книгу «Основные принципы философии» и поверив каждому ее слову, на следующий день вступали в ряды «Пролетарских революционных пионеров», а через пару дней их ловили во время ограбления банка, и на ближайшие десять лет с ними все было ясно. Я знал и о тех, кто, начитавшись книг вроде «Ислам и новая мораль» или «Коварство европеизации», тут же перебирались из пивной в мечеть и на холодных, как лед, коврах, вдыхая аромат розовой воды, начинали терпеливо ожидать смерть, которой предстояло прийти лишь пятьдесят лет спустя. Я даже был знаком с некоторыми, кого

¹ *Виран-Баг* — букв. «разоренный сад» (тур.).

увлекли книги под названием «Свобода любви» и «Познай себя», — хотя они были из тех, кто больше доверяет знакам зодиака, даже они могли совершенно искренне сказать: «Эта книга за одну ночь изменила всю мою жизнь!»

На самом деле меня беспокоило не это: я боялся одиночества. Я боялся того, что вполне может натворить такой дурень, как я: боялся, что неправильно понял книгу, боялся, что поверхностно восприму ее или, если надо, не смогу воспринять поверхностно, боялся быть не таким, как все; я боялся, что буду задыхаться от любви, боялся познать тайну всего сущего, но выглядеть при этом смешным, всю жизнь рассказывая об этой тайне тем, кто вовсе не хотел ничего знать; я боялся попасть в тюрьму и боялся казаться чокнутым, боялся понять, в конце концов, что мир гораздо несправедливее, чем я думал; боялся, что не смогу заставить красивых девушек влюбляться в меня. Ведь если все написанное в книге правда, если жизнь такая, как написано о ней на тех страницах, если такой мир возможен, то совершенно непонятно, почему люди все еще ходят в мечеть, тратят свою жизнь на болтовню в кофейнях и каждый вечер, чтобы не умереть от скуки, сидят у телевизора, не желая и занавески то на своих окнах задернуть полностью только лишь потому, что на улице может произойти что-то интересное: например, промчится автомобиль, или лошадь вдруг заржет, или какой-нибудь пьяница устроит драку.

Я не помню, когда я заметил, что квартира на втором этаже, на окна которой я уже долгое время смотрю сквозь неплотно задернутые занавески, — дом дяди Рыфки с железной дороги. Сам того не понимая, я, кажется, подсознательно передавал ему привет в преддверии начала моей новой жизни. У меня появилось странное желание — еще раз взглянуть на все предметы, что я видел у него дома, когда мы с отцом в последний раз

приходили к нему: на канареек в клетке, на стенной барометр, на развешенные по стенам фотографии с железной дороги в аккуратных, изготовленных на заказ рамках, увидеть еще раз буфет со стеклянными дверцами, часть которого занимали рюмки для ликера, миниатюрные вагоны, серебряная сахарница, компостер контролера, медали за службу на железной дороге, а в другой части были расставлены несколько десятков книг; стоявший на буфете самовар, которым никогда не пользовались, игральные карты на столе... Сквозь приоткрытые занавески я видел отсвет телевизора, но самого телевизора в комнате не видел.

Внезапно я почувствовал странную решимость и забрался на забор, отделявший сад у дома от улицы, и увидел телевизор, который смотрела вдова контролера дяди Рыфки, тетя Ратибе. Глядя в телевизор, развернутый под углом сорок пять градусов к пустовавшему креслу ее мужа, она ссутулилась, совсем как моя мама, но мама всегда вязала, а она курила, сильно дымя.

Дядюшка Рыфки умер два года назад, на год раньше моего отца, скончавшегося от сердечного приступа, но он умер не своей смертью. Однажды вечером его застрелили, по дороге в кофейню, убийцу так и не поймали. Говорили, что это убийство на почве ревности, но мой отец никогда не верил в эти сплетни. Детей у них не было.

Глубоко за полночь — мама уже давно заснула, я сидел за столом как истукан и смотрел в книгу, лежавшую передо мной; волнуясь и испытывая воодушевление, я забывал обо всем, что каждую ночь делало наш квартал моим: я забыл гаснущие огни квартала и города, печаль пустынных и мокрых улиц, выкрики проходившего последний раз по кварталу торговца бузой¹, нехстати раскаркавшихся ворон, терпеливый стук колес длинных то-

¹ *Буза* — напиток из проса.

варных поездов, тронувшихся в путь только после того, как прошла последняя электричка, и всецело отдался свету, льющемуся из книги. И все то, что до этого дня составляло мою жизнь и питало мое воображение, полностью стерлось из моего сознания: кинотеатры, однокурсники, ежедневные газеты, газировка, футбольные матчи, столы в аудитории, стамбульские паромы, красивые девушки, мечты о счастье, моя будущая возлюбленная, жена, мой стол на будущей работе, утренние часы и завтраки, билеты на автобус, незначительные проблемы, задания по статике, которые я не успевал делать, старые брюки, лицо и пижамы, ночи, возбуждавшие меня журналы, сигареты и даже верная кровать, ожидавшая меня за спиной, чтобы даровать самое надежное забытие, — все это исчезло из моего сознания, и я увидел, что я гуляю — гуляю там, в стране, рожденной из света.

2

На следующий день я влюбился. Любовь потрясла меня так же, как свет, лившийся из книги, она со всей очевидностью доказала мне, что моя жизнь давно идет по другому пути.

Утром, едва проснувшись, я мысленно проанализировал все произошедшее со мной вчера и сразу же понял, что открывшаяся передо мной новая страна — вовсе не плод воображения, а такая же реальность, как мое тело, руки, ноги. И чтобы спастись от нестерпимого чувства одиночества, охватившего меня в этом новом мире, нужно было непременно разыскать тех, кто похож на меня.

Ночью выпал снег — он лежал на окнах, на мостовых, на крышах. Из-за белизны ледящего света с улицы раскрытая книга на столе выглядела еще безгрешнее и чище и поэтому казалась более зловещей.

Мне все же удалось, как и каждое утро, позавтракать вместе с мамой, вдыхая запах поджаренного хлеба, перелистать газету «Миллийет»¹ и просмотреть статью Джелиля Салика². Вроде все шло как и прежде. Я съел немного брынзы, выпил чаю и улыбнулся, глядя на веселое мамино лицо. Чашка, чайник, звон чайных ложек — все, казалось, говорило о том, что жизнь не изменилась, но я не поддался обману. Я был настолько уверен, что мир стал другим, что, выходя из дома, не постеснялся надеть старое тяжелое пальто отца.

Я отправился на вокзал, сел на поезд, сошел с него, успел на паром, спрыгнул на пристань в Каракёе³, протолкавшись локтями сквозь толпу, поднялся по лестнице, вскочил в автобус, доехал до Таксима⁴ и пошел было в сторону Ташкышла, но вдруг остановился и посмотрел на цыган, торговавших на улице цветами. Могу я поверить, что жизнь идет как прежде, могу забыть, что читал книгу? Мысль эта вдруг показалась мне столь ужасной, что захотелось бежать.

На лекции по сопротивлению материалов я тщательно перерисовывал с доски в тетрадь схемы, цифры и формулы. Когда лысый профессор ничего не писал, я, скрестив руки, слушал его мягкий голос. Слушал ли я его на самом деле? Или делал вид, что слушал, как делали все, играя роль студентов архитектурного факультета Технического университета? Я не знаю. Потом я почувствовал, сколь нестерпимо безнадежным был старый, привычный мир, и сердце мое забилося, а голова закружилась, будто по жилам текла отравленная кровь, — трепеща от удовольствия, я ощутил, как по всему телу, от затылка, медленно разливается сила света, выходявшего

¹ «Миллийет» («Нация») — одна из центральных ежедневных турецких газет.

² Герой романа О. Памука «Черная книга».

³ Каракёй — район в азиатской части Стамбула.

⁴ Таксим — район и площадь в европейской части Стамбула.

из книги. Новый мир давно упразднил все сущее и перевел настоящее время в прошедшее. Все, что я видел, все, чего касался, оказывалось ветхим — и оттого трогательным.

Впервые я увидел книгу в руках студентки архитектурного факультета два дня назад. Она хотела что-то купить в столовой на первом этаже и искала в сумке кошелек, но одна рука у нее была занята, поэтому ей не удавалось его найти. Девушка держала книгу, и, чтобы освободить руку, ей пришлось на минуту положить книгу на стол, за которым я сидел. Мгновение я смотрел на книгу, оставленную на столе. Только и всего, такая вот случайность, изменившая мою жизнь. Девушка забрала книгу и положила ее в сумку. В тот же день, вечером, по пути домой, я увидел экземпляр этой книги на уличном книжном лотке среди старых изданий, брошюр, сборников стихов, книг по гаданию, любовных и политических романов и купил ее.

Не успел прозвенеть звонок, возвещавший полдень, как большинство студентов побежали к лестнице, чтобы успеть занять очередь в столовой, а я продолжал молча сидеть за столом. Потом я побродил по коридорам, спустился в столовую, прошелся между колоннами по внутреннему дворику, проник в пустые аудитории и из окна посмотрел на заснеженные деревья в парке напротив, потом попил воды в туалете. Я обошел почти весь факультет Ташкышла. Девушка не появлялась, но я не отчаивался.

После обеда народу на факультете стало больше. Я проследовал по коридорам, вошел в мастерские, понаблюдал за играми на деньги на чертежных столах, сел в углу и, сложив разорванные страницы какой-то газеты, стал читать. Потом опять прошагал по коридорам, спустился по лестнице, снова поднялся, послушал разговоры о футболе, политике и о том, что вчера показывали по телевизору. Посмеялся вместе с теми, кто отпускал

шуточки в адрес одной кинозвезды, решившей завести ребенка, угостил тех, кто хотел, сигаретами и зажигалкой; один парень рассказывал анекдот, а я слушал и, проделывая все это, что-то вежливо отвечал всякий раз, когда меня останавливали и спрашивали, не видел ли я такого-то. Иногда мне не удавалось найти компанию, чтобы поболтать, или окна, чтобы выглянуть на улицу, или придумать цель, чтобы куда-то пойти, и тогда я быстро и решительно шагал куда-то, словно у меня было срочное дело. Но так как дел у меня не было, то, оказавшись у двери библиотеки или на лестничной площадке, я шел в другую сторону, смешиваясь с толпой, и лишь иногда останавливался, чтобы закурить. Я собирался было почитать недавно вывешенное на доске информации объявление, но вдруг сердце мое забилося, в глазах потемнело, и я почувствовал себя беспомощным: она, девушка с книгой, была там, в толпе, она удалялась от меня и словно манила, двигаясь медленно, будто во сне. Я потерял голову, я перестал быть самим собой, и, забыв себя окончательно, я побежал следом за ней.

На ней было очень светлое, но не белое платье. Я догнал ее у лестницы и заглянул ей в лицо — в глаза мне ударил свет, такой же сильный, как свет из книги, но очень мягкий. Я был в старом мире — и я был на пороге новой жизни. Я стоял на грязной лестнице, но жил жизнью из книги. Я смотрел и смотрел на этот свет и все больше понимал, что мое сердце меня не слышит.

Я сказал ей, что читал книгу. А еще я сказал, что прочитал ее после того, как увидел книгу у нее. Сказал, что теперь я живу в другом мире. И что мы должны поговорить сию минуту, потому что в этом новом мире я совсем один.

— Сейчас у меня занятие, — сказала она.

Сердце у меня екнуло. Я растерялся. Девушка, кажется, заметила это и задумалась.

— Ладно, — решительно сказала она, — давай найдем свободную аудиторию и поговорим.

На втором этаже мы нашли пустую аудиторию. Коленки у меня дрожали, когда я входил. Я не знал, как рассказать ей, что я вижу мир, обещанный мне книгой, что книга тихо, шепотом, словно большую тайну, поведала мне о своем мире. Девушка сказала, что ее зовут Джанан¹, я назвал свое имя.

— Чем тебе так понравилась книга? — спросила она.

Поддавшись порыву, я хотел было сказать: «Ангел, потому что ты читала ее». Откуда взялся этот «Ангел», понятия не имею; в голове была путаница, но потом словно кто-то помог мне — наверное, ангел.

— Когда я прочитал книгу, моя жизнь изменилась, — ответил я. — Комната, дом, мир, в котором я жил, — все перестало быть моим, я чувствую себя бродягой в чуждом мире. Я впервые у тебя увидел книгу, должно быть, и ты ее читала. Расскажи мне о мире, в котором ты побывала и откуда вернулась. Расскажи, что нужно сделать, чтобы попасть туда. Объясни, почему мы до сих пор здесь. Расскажи, почему новый мир кажется знакомым и привычным, словно собственный дом, а собственный дом стал чужим, словно этот новый мир.

Я, может, еще много чего сказал бы в том же духе, но тут вдруг на миг я словно ослеп. Свинцовый свет снежного зимнего дня был таким резким и ярким, что казалось, будто окна маленького класса, где пахло мелом, сделаны изо льда. Я смотрел ей в глаза и все же боялся смотреть.

— Что ты готов сделать, чтобы войти в мир книги? — спросила она.

У нее были бледное лицо, каштановые волосы, светлые брови и нежный взгляд. Если она существует в этом

¹ *Джанан* — букв. «возлюбленная, красавица» (*тур.*); в то же время «Джанан» — одно из имен Аллаха.

мире, то, скорее всего, она создана из воспоминаний о нем; а если она пришла из будущего, то, наверное, она предвестник страхов и горя. Я смотрел на нее, но не осознавал этого. Наверное, боялся, что, если и дальше буду смотреть, все станет реальностью.

— Я готов на все ради того, чтобы найти мир из книги, — ответил я.

Она едва заметно улыбнулась и нежно посмотрела на меня. Как положено себя вести, когда на вас вот так смотрит невероятно красивая, милая девушка? Как положено держать спичку, как зажигать сигарету, как смотреть в окно, как разговаривать с ней, как стоять перед ней, как дышать? Всему этому в здешних стенах не учат. Поэтому такие, как я, и мучаются от безысходности, пытаясь скрыть охвативший их трепет.

— Что значит «готов на все»? — спросила она.

— На все... — ответил я и замолчал, слушая удары собственного сердца.

Не знаю почему, но я вдруг представил длинные, нескончаемо долгие дороги, непрекращающиеся сказочные ливни, лабиринты затерянных улиц, печальные деревья, грязные реки, сады, страны. Я должен отправиться туда, если хочу когда-нибудь ее обнять.

— Скажи, например, ты бы не испугался смерти?

— Нет.

— Даже если бы узнал, что тебя могут убить за то, что ты читал книгу?

Я попытался улыбнуться, потому что во мне все же говорил будущий инженер: «Это же, в конце концов, всего лишь книга!» Но Джанан смотрела серьезно и внимательно на меня. Я подумал с тревогой, что никогда не смогу приблизиться ни к миру из книги, ни к ней, если сделаю что-то не так, скажу что-нибудь неосторожное.

— Ну, я не думаю, что меня собираются убить, — сказал я, изображая неизвестно кого. — А если и так, то, по правде говоря, смерти я не боюсь.

Ее светлые, медового цвета глаза на мгновение вспыхнули в белесом свете, струившемся из окна.

— По-твоему, тот мир существует или это только выдумки, написанные в книге?

— Тот мир существует! — воскликнул я. — А ты такая красивая, потому что ты — оттуда!

Она быстро приблизилась ко мне. Взяла меня обеими руками за голову, потянулась и поцеловала меня в губы. Долю секунды я ощущал ее язык у себя на губах. И тут же она отступила назад, но так, чтобы я мог держать ее легкое тело.

— Ты очень смелый, — сказала она.

Я уловил аромат лаванды — запах духов. Я, словно пьяный, сделал несколько шагов к ней. Мимо двери, громко разговаривая, прошли два студента.

— Подожди, послушай меня, пожалуйста, — попросила она. — Ты должен сказать все это Мехмеду. Он был в мире из книги и вернулся. Он — оттуда, он знает, понимаешь? Но он не верит, что другие смогут поверить книге и пойти туда. Он пережил страшные мгновения и перестал верить. Ты поговоришь с ним?

— Кто такой Мехмед?

— Приходи через десять минут, до того, как начнется первое занятие, к двести первой аудитории, — сказала она и вышла.

Класс казался совсем пустым, словно и меня там не было, а я стоял, оцепенев. Никто никогда так не целовал меня, никто никогда так не смотрел на меня. И теперь я снова остался один. Мне было страшно, я думал, что больше никогда не увижу ее, что никогда я не попаду в тот истинный, настоящий мир. Мне захотелось бежать за ней, но сердце так билось, что я боялся дышать. Белый, белоснежный свет ослепил не только мои глаза, но и мой разум. «Это из-за книги», — подумал я и тут вдруг так ясно понял — я люблю эту книгу, я хочу побы-

вать там, в том мире, — что слезы едва не хлынули у меня из глаз. Книга, само ее существование поддерживали меня. Я знал: когда-нибудь девушка обязательно обнимет меня еще раз. Но сейчас мне казалось, что мир отступил, оставив меня одного.

Снаружи, с улицы, доносились голоса, и я выглянул в окно. Несколько студентов архитектурного факультета, весело перекрикиваясь, играли в снежки внизу, у входа в парк. Я смотрел на них и не видел. Во мне уже ничего не оставалось от ребенка. Я исчез.

Вы ведь знаете, такое часто случается: однажды, в обычный день, когда вам кажется, что вы живете обычной жизнью и думаете о газетных новостях, о шуме машин, о сказанных обидных словах, об использованных билетах в кино, лежащих в кармане, о сигаретных окурках, вы вдруг замечаете, что на самом деле вы уже давно где-то далеко, в каком-то другом мире. Я же давно исчез, растворился в белесом цвете, льющемся из окон изо льда. А для того, чтобы попасть в любой мир, в любую реальность, нужно обнять девушку, нужно держать ее, нужно добиться ее любви. Как быстро неутомимое сердце мое познало эти премудрости! Я полюбил! Я собирался вверить себя бескрайним границам своего сердца... Я взглянул на часы. Оставалось восемь минут.

Я словно привидение следовал по коридорам с высокими потолками, и мне казалось странным, что у меня есть тело, лицо, жизнь, собственная история. Встречу ли я ее в толпе еще раз? И что скажу при встрече? Какое у меня лицо? Я не мог вспомнить. Я зашел в уборную рядом с лестницей и напился воды из-под крана. Потом глянул в зеркало, чтобы посмотреть на свои губы, которые только что ее целовали. Мама, я полюбил, мама, я исчезаю, мне страшно, мама, но я на все готов ради нее. Я спрошу у Джанан, кто же этот Мехмед? Почему он боится? Кто те люди, которые убивают прочитав-

ших книгу? Я ничего не боюсь. Если человек читал книгу и поверил ей, как я, он не должен бояться. Вот так!

Оказавшись в толпе в коридоре, я заметил, что опять иду быстро и с таким видом, будто у меня срочное дело. Поднявшись на второй этаж, я прошеествовал вдоль высоких окон, выходявших во внутренний двор с фонтаном; я шел, оставляя позади самого себя, я шел и думал о Джанан. Я шел мимо однокурсников, мимо аудитории, где у меня должно быть занятие. Подумаешь!!! Меня только что поцеловала такая симпатичная девчонка, и как поцеловала! Что вы знаете об этом? Ноги стремительно несли меня в мое будущее. В том будущем были темные леса, комнаты отелей, лиловато-синие тени привидений, жизнь, покой и смерть.

Перед аудиторией номер двести один я был за три минуты до начала занятия и, еще не увидев Джанан, узнал Мехмеда. У него было бледное лицо. Он был высоким, худым и, как и я, задумчивым, рассеянным и усталым. Я вспомнил, что вроде бы раньше уже видел его с Джанан. Он знает гораздо больше меня, подумал я, он пережил больше, чем я, и он на пару лет старше.

Не знаю, как он узнал меня. Он отвел меня в сторонку, туда, где стояли шкафы.

— Я слышал, ты читал книгу, — произнес он. — И что ты в ней нашел?

— Новую жизнь.

— Ты в это веришь?

— Верю.

Он выглядел таким утомленным, что мне стало страшно при мысли о том, что он пережил.

— Послушай меня, — сказал он. — Я тоже когда-то поверил книге. И решил, что найду этот мир. Я все время куда-то ехал на автобусе. Ездил из города в город, думал — найду ту страну, тех людей, те улицы. Поверь мне: в конце нет ничего, кроме смерти. Они и сейчас за нами следят наверняка. Они убивают безжалостно.

— Не пугай его, — вмешалась Джанан.

Наступило молчание. Мехмед посмотрел на меня так, будто мы знакомы много лет. А я подумал, что разочаровал его.

— Я не боюсь, — сказал я, глядя на Джанан, и с решительным видом, словно киногерой, добавил: — Я смогу дойти до конца.

Неправдоподобное, невероятное тело Джанан было в двух шагах от меня. Она стояла между нами, ближе к нему.

— Не из-за чего идти до конца, — сказал Мехмед. — Это всего лишь книга. Кто-то сел и написал ее. Фантазии. А ты просто садишься и читаешь ее. Снова и снова.

— Скажи ему то, что говорил мне, — повернулась ко мне Джанан.

— Тот мир существует, — упрямо повторил я. Мне хотелось взять Джанан за красивую руку и притянуть к себе. Но я не решился. — Я найду его.

— Да нет ничего! Все это красивые сказки! Считай это чем-то вроде игры, в которую один старый идиот играл с детьми. И вот однажды он решил написать такую же книжку, но для взрослых. Вряд ли он сам понимает смысл того, что написал. Читать забавно, но если поверишь в нее — жизнь пропала.

— Там существует целый мир, — не сдавался я, все больше уподобляясь глупым и упрямым парням из фильмов. — И я знаю, что найду дорогу.

— Ну тогда пока.

Он отвернулся и многозначительно посмотрел на Джанан: «Я же тебе говорил». Уходя, он вдруг спросил:

— Почему ты так веришь в существование той жизни?

— Потому что мне кажется, что в книге рассказана моя история.

Он дружелюбно улыбнулся и вошел в аудиторию.

— Подожди, не уходи, — сказал я Джанан. — Он — твой парень?